

МИФОЛОГИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ В ПРОИЗВЕДЕНИИ В. ВЫСОЦКОГО «ДВЕ СУДЬБЫ»

В творчестве В. Высоцкого женские образы менее заметны на фоне ярких и объемных образов солдата, туриста, пьяницы, недотепы, лодыря, ребенка (подростка, образ военного детства), заключенного, шофера, канатоходца, парашютиста, подводника и др. Между тем надо отметить, что в творческой лаборатории писателя существует целая система женских образов — от наивно-простоватой, совершенно реальной Зины из «Диалога у телевизора» до мифологических русалок, лешачих [1, 105-109], среди них есть образы с ярко выраженной мифологической семантикой, как, например, в произведении «Две судьбы». Само название имеет прямое отношение к двум женским образам, созданным в данном произведении. Во-первых, две судьбы — это, по признанию главного героя, «две судьбы мои — Кривая да Нелегкая», во-вторых, уже в самом названии заложена как мифологическая основа, так и основной смысл произведения. Слово «судьба» интересно прежде всего тем, что оно одного корня со словом «судить» и в мифологических представлениях народа означает то, что предопределено (суждено) человеку. В. Даль определяет судьбу, как «Суд Божий» [2, 302]. В древних памятниках письменности слово «суд» прямо употребляется в значении судьбы. Например, в «Слове о полку Игореве» сказано: «Ни хытру, ни го-разду, ни птицю горазду суда Божиа (судьбы) не минути» [3, 511]. Однако в нашем случае речь идет не об одной, а о двух судьбах (или о двух судах). В принципе, для славянских сказок рассказывать о двух судьбах (двух долях) явление характерное. «Жили два брата: один был бедный, а другой богатый...»; «Были две дочери: работающая и ленивая...». Однако в каждом из этих случаев есть так называемый «выбор» судьбы, поскольку строится сказка именно на антиномиях: бедность — богатство, трудолюбие — лень, доля — недоля. В нашем случае — это две судьбы, но выбор не богат: одна «Кривая», а другая «Нелегкая», причем Кривая судьба (исходя из самого определения судьбы как суда) — это кривой суд, а «кривой суд или кри-восуд — кривда, неправда» [2, 114]. Главный герой произведения предстает перед нами уже со сложившейся жизненной позицией. В экспозиции произведения мы немного узнаём о его жизни, которую он прожил, особо не задумываясь ни о чем:

*Жил я славно в первой трети
Двадцать лет на белом свете —
по учению,
Жил безбедно и при деле,
Плыл, куда глаза глядели, —
по течению.*

*Заскрипит ли в повороте,
Затрещит в водовороте —
я не слушаю.*

*То разуюсь, то обуюсь,
На себя в воде любуюсь —
брагу кушаю [4, 341].*

Или другой вариант:

*Крутанет ли в повороте,
завернет в водовороте —
все исправится.*

*То разуюсь, то обуюсь,
на себя в воде любуюсь —
очень нравится! [5, 219].*

И еще из второго варианта:

*Слышал, с берега вначале
мне о помощи кричали,
о спасении...*

*Не дождались, бедолаги:
я лежал, чумной от браги,
в расслаблении [5, 218-219].*

Такая жизненная позиция главного героя — плыть по течению (для создания данного образа автор использует каламбур: плыть по течению в лодке и плыть по течению в переносном смысле) предопределила все то, что произойдет с ним. Появление в дальнейшем нечистой силы закономерно и логично:

*И пока я наслаждался,
Пал туман и оказался
в гиблом месте я... [4, 341].*

Между тем закономерен вопрос: почему герой встречает именно две судьбы, двух персонажей в женском облике с явно выраженной мифологической семантикой? Почему в этом гиблом месте попросту не встретить лешего или черта? Почему образы именно женские? Мифологические представления о девах судьбы А. Афанасьев возводил к семантическому комплексу облачных дев: «Облачные девы, как хранительницы живой воды, наделяющей мудростью и предвидением, как спутницы бога грозовых бурь, призванные, с одной стороны, приносить на землю младенческие души, а с другой — увлекать души усопших в загробное царство, являлись устроительницами судьбы человеческой. Согласно с этим, древние племена присваивали им эпитеты, обозначающие их вещей характер и влияние на рождение, смерть и вообще на всю жизнь человека» [3, 505]. Следовательно, судьба — олицетворение всемогущих, то благотворных, то разрушительных, но всегда неотвратимых сил, представленных в образах дев (богинь) судьбы. В соответствии с этим наш герой встречает две свои судьбы именно в женском облике (они являются олицетворением разрушительных сил), отсюда также два суда за все

сделанное (и не сделанное) ранее. Образы двух судеб весьма колоритны, описаны живо и ярко.

Поначалу герой не видит нечистую силу, а только слышит ее появление:

*И огромная старуха
Хохотнула прямо в ухо,
Злая бестия.
Я кричу, — не слышу крика,
Не вяжу от страха лыка,
вижу плохо я,
На ветру меня качает...
«Кто здесь?» Слышу — отвечает:
«Я, Нелегкая!»... [4, 341].*

В народном творчестве, в частности в быличках, мы также встречаемся с явлением, когда признаки нечистой силы не заметны: либо завуалированы под обычного человека, либо и вовсе не видны, «так как нечистая сила «отводит глаза» окружающим ее людям» [6, 373]. Однако нечистую силу можно увидеть во всем ее страшном обличье, «если перекреститься, помолиться и т. д. (в этом случае можно увидеть и настоящий облик нечистой силы)» [6, 373]. Именно это и происходит с нашим героем. Как только он крестится и обращается к Богородице за помощью, он начинает видеть то, что происходит вокруг него:

*Брось креститься, причитая, —
Не спасет тебя святая
Богородица:
Кто рули да вёсла бросит,
Тех Нелегкая заносит —*

так уж водится! [4, 341-342].

Предстают перед ним два чудовищных образа, две судьбы, явившиеся к главному герою в виде двух старух (так девы судьбы в данном произведении перевоплощаются в старух), причем за героем гонится Нелегкая, а навстречу ему идет Кривая. Перед нами антропоморфный облик нечистой силы, который наиболее распространен в поверьях, где нечистая сила довольно часто принимает образ старухи.

«К внешним признакам нечистой силы относятся и такие характерные аномальные для человека проявления, как сиплый или громкий голос, немота, шум, треск, гул, вой» [6, 373]. Нелегкая обладает громким голосом, она пугает героя, хохоча ему в ухо, от чего он кричит неммым криком. Образ Нелегкой создан автором при помощи каламбура, построенного посредством соединения в одном образе двух значений слова «нелегкая» (нелегкая — в смысле тяжелая — это прямое значение). Вот как автор описывает Нелегкую:

*И с отдышкой, ожиреньем
Ломит, тварь, по пням, кореньям
тяжкой поступью [4, 342].*

Или еще:

Ты, *Нелегкая*, маманя!
Хочешь истины в стакане —
на лечение?
Тяжело же столько весить,
А хлебнешь стаканов десять —
облегчение! [4, 343].

Или другой вариант:

Вот споткнулась о коренья,
от большого ожиренья
гнусно охая,
у нее одышка даже,
а заносит ведь туда же,
тварь нелегкая [5, 220].

Заметим, что в последней строчке «нелегкая» написано с маленькой буквы, так как является не именем героини, а описанием, определяющим ее внешний вид. Очевидно, что с прямым соединяется переносное значение нелегкой, или же нечистой, силы:

Кто рули да вёсла бросит,
Тех *Нелегкая* заносит —
т а к уж водится! [4, 342].

Образ второй старухи — Кривой частично напоминает образ Гора из сказок. «Пришел мужик домой, а Горе зовет его в кабак. «Денег нет! — отвечал бедняк. «Ох, ты, мужик! На что тебе деньги? Вишь, на тебе полушубок надет, а на что он? Скоро лето будет, все равно носить не станешь! Пойдем в кабак, да полушубок побоку...». Мужик и Горе пошли в кабак и пропили полушубок» [3, 517]. Примерно то же самое происходит и с героем произведения «Две судьбы», он поддается на заверения Кривой «вывезти», залезает ей на горб и пытается таким образом спастись, но:

Взвыл я, *ворот разрывая*:
«Вывози меня, *Кривая*, —
я на привязи!
Мне плевать, что *кривобока*,
Криворука, *кривоока*, —
только вывези!»
Влез на горб к ней с перепугу, —
Но *Кривая* шла по кругу —
ноги разные.
Падал я и полз на брюхе —
И хихикали *старухи*
безобразные [4, 342].

Образ Кривой также построен при помощи каламбура: с одной стороны, Кривая — кривая во всех отношениях (кривоного, кривобока, криворука, кривоока, да еще и горбата), а с другой стороны, в пе-

реносном смысле, — кривая дорога. Образ Кривой антропоморфен, однако имеет ряд признаков, присущих нечистой силе, аномальных для нормального человека: хромота, гиперболизированная кривизна и др. В. Высоцкий характеризует кривую как «колченогая Кривая». «Колченогий, — по определению В. Даля, — колтыногий, хромой, особенно если одна нога короче или ступня выворочена или берца кривы...» [2, 101].

В связи с описанием Кривой (ее кривоногостью, кривобокостью, криворукостью, кривоокостью, а также с ее действиями) есть прямое сходство этого образа и с таким мифологическим образом восточнославянской мифологии, как Лихо: «Лихо Одноглазое — в восточнославянской мифологии персонификация злой доли, горя, несчастья, беды. В поверьях лихо — демоническое существо, имеющее обычно облик худой одноглазой женщины или великанши ростом выше деревьев; ее появление предвещает беду. Так, по поверьям, лихо иногда бродит по земле и нападает на людей; на человека, к которому она «привязалась», начинают обрушиваться всяческие беды: он заболевает, становится нищим, теряет родных и т. д. Кроме того, считалось, что встреча с лихом нередко приводит к потере парных частей тела (руки, глаза и т. д.) или даже к гибели человека. Отделаться от лиха бывает очень сложно: говорили, что «от лиха не уйдешь»; «Лихо не лежит тихо, либо катится, либо валится, либо по плечам рассыпается» [6, 329]. Следует заметить, однако, что в нашем случае не «лихо по плечам рассыпается», а главный герой залезает на плечи к Кривой.

В действиях Кривой просматривается прямая связь с проделками нечистой силы, описываемыми в быличках. «В быличках описываются преимущественно злые проделки нечистой силы...» [6, 373]. Кривая, как и леший в быличках, «водила» героя и не вывезла его, а притащила к опасному обрыву:

*Не до жиру — быть бы живым, —
Много горя над обрывом,*

а в обрыве — зла [4, 342].

Понимая, что ему угрожает большая опасность, главный герой идет на хитрость и предлагает старухам выпить:

*«Слышь, Кривая, четверть ставлю —
Кривизну твою исправлю,
раз не вывезла!*

*Ты, Нелегкая, маманя!
Хочешь истины в стакане —
на лечение?»*

*Тяжело же столько весить,
А хлебнешь стаканов десять —
облегчение!»*

И припали две старухи

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ткачева П.* Разрушение границ жанра сказки в современной поэзии (В. С. Высоцкий «Лукоморья больше нет...») // Фалькларыстычныя даследаванш, Кантэкст. Тыпалопя. Сувязк зб. арт. Мн., гооб. Вып. 3.
2. *Даль В. И.* Большой иллюстрированный толковый словарь русского языка. М., 2005.
3. *Афанасьев А. Н.* Мифология Древней Руси. М., 2006.
4. *Высоцкий В. С.* Антология Сатиры и Юмора России XX века. М., 2005. Т. 22.
5. *Высоцкий В. С.* Нерв: стихи. М., 1982.
6. *Шапарова Я. С.* Краткая энциклопедия славянской мифологии. М., 2001.